Библіотека Русскаго Пролетарія. — № 3

UNE RÉVOLTE.

Prix: 10 коп., 25 cent., 20 pf., 5 cts., 2 1/2 d.

П. Свободинъ.

БУНТУЮТЪ

разсказъ

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
116, rue de Carouge.
1903.

Въ редакцію «Библіотеки Русскаго Пролетарія» поступили слѣдующія произведенія печати:

.....

1) «Slovansky obzor», 1903, № 1, 2.
2) «Революціонная Россія», № 17, 1 февраля 1903 г. Изданіе Партіи Соц.-Револ.
3) «Послѣднія Извѣстія», № 107. Изд. Загран. Комитета Всеобщ. Евр. Раб. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.
4) «Robotnik», organ Polskiej Partyi Soc., № 48, 1903 г.
5) «Работнишко Дѣло», 1903 г. Брой II.
6) «Освобожденіе» (подъ редакціей П. Струве) № 16, 2 февраля 1903 г.
7) «Ново Време», година 1, Београдъ, 10 Іануара 1903 г. Број 1.
8) «Общо Дѣло», 1903 г., книжка 7 и 8, София.
9) «Promien», 1903 г., № 1-2.
10) «Der Wahre Jacob», № 433, den 24 Februar 1903 J., Stuttgart.
11) «Die Neue Zeit», № 19—21, 1903 г.

БУНТУЮТЪ

№ 3. — «Библіотека Русскаго Пролетарія». — № 3.

П. Свободинъ

БУНТУЮТЪ

разсказъ

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина
116, rue de Carouge.
1903.

226064

Громадная казарма Н-скаго полка, тускло освѣщенная керосиновыми лампами, была полна. Повѣрка кончилась и солдаты, послѣ цѣлаго дня утомительной маршировки, раздѣвались, чтобы ложиться спать. Ряды желѣзныхъ коекъ уходили далеко въ глубь казармы и, покрытыя сѣрыми одѣялами, почти сливались съ такими-же сѣрыми и темными стѣнами и поломъ казармы. На койкахъ и между ними стояли и сидѣли то группами, то въ одиночку солдаты, покуривая и разговаривая между собой. Отдѣльные звуки сливались въ сплошной оглушительный шумъ. изъ котораго тамъ и сямъ слышались возгласы:— Ну и матерщинилъ сегодня ротный...

— Акимовъ дай табачку... и пр.

На одной изъ коекъ шла азартная картежная игра, которая хотя и была строго воспрещена, но втихомолку практиковалась. Лица игроковъ разгорѣлись.

— Фалька!...

— А вотъ я те утру фалькой-то...

— Подъ тебя гривенникъ.

— Съ пятачкомъ...

— Замирилъ!... ожесточенно принималъ вызовъ противникъ, взмахивая сальной половинкой карты.

Рядомъ собрался кружокъ и здѣсь шло очень своеобразное состязаніе: на скамейкѣ, поджавъ ноги калачикомъ, сидѣли другъ противъ друга два солдата — одинъ коренастый татаринъ, другой очевидно владимирецъ. Состязаніе состояло въ томъ, что одинъ изъ соперниковъ

крѣпко складывалъ ладони около лѣваго уха, а другой справа билъ по нимъ изо всей силы кулакомъ, если тотъ усидитъ его очередь бить.

— Ловко хватилъ собака!...

— Ужъ пятаго сбилъ татарская морда!...

— Фильку, Фильку сюда, онъ его смажетъ...

Въ углу были сдвинуты койки и подъ хрипящую гармонійку съ припѣвомъ носился въ присядку какой-то солдатикъ.

— «Выказюливай служивый,
«Не жалѣй-же сапоги
«Коль молодушки полюбятъ
«Будутъ новые они»...

«У-хъ»... взвивался онъ. Кто то высокимъ теноромъ выводилъ пѣсню:

Царь нашъ русскій молвилъ слово —
Войско къ бою вмигъ готово.
Нутко подходи!...
Нутко подходи!...
Пики. сабли, ружья, пушки —
Все вѣдь это не игрушки.
А князь впереди!
Въ этомъ князѣ — кровь царева.
Князь великій — одно слово
Родной царскій братъ.

Что-то фальшивое чувствовалось въ голосѣ пѣвца и въ его воодушевленіи.

Въ другомъ мѣстѣ хоромъ затянули пѣсню:

Если скажемъ для примѣра,
Намъ пришлось-бы воевать
За царя, за Русь, за вѣру
Ужъ дадимъ себя мы знать...

Трахъ! трахъ! бумъ! бумъ! бумъ!
Мы палимъ не наобумъ.
Бумъ! бумъ! трахъ! трахъ! трахъ!
На равнинахъ на поляхъ.

Завершали они каждый куплетъ безсмысленнымъ припѣвомъ.

Около одной изъ коекъ раздѣвался рядовой — Акимъ Безродновъ. Несмотря на то, что онъ прошелъ весь курсъ «ученія» его сильная фигура была мѣшковата и не такъ подтянута и выпрямлена, какъ у настоящаго служаки. Только на лицѣ его простомъ и добродушномъ лежала печать постоянной готовности немедленно бѣжать, стрѣлять и колоть, которая является на лицахъ солдатъ послѣ полнаго окончанія «образованія» и часто остается до самой могилы, безплатнымъ приложеніемъ «Царской» службы.

На сосѣдней койкѣ лежалъ рыжій парень, съ которымъ Акимъ и въ строю былъ всегда рядомъ, они были почти изъ одного мѣста и потому сошлись между собой...

— И все то они гудятъ, все гудятъ,—сказалъ рыжій парень — а что же дѣлать то?

— А вонъ Бондаренко, изъ третьяго баталіона, который все читаетъ, знаешь?

— Нѣтъ. Ну.

— Бѣлобрысый такой... онъ говоритъ, что такъ жить нельзя...

— Нельзя, а какъ же жить-то?

— Нужно себя соблюдать, читать, душа въ душу жить...

— Читать начальство не велитъ.

— Что начальство...

Акимъ отвернулся и началъ взбивать подушку.

— А помнишь въ прошломъ году какъ мы въ лагеряхъ стояли?...

— Ну...

— Листки-то валялись...

— Ну...

— А въ нихъ сказано, что начальство все вретъ, что царя не нужно...

— Ну это ты оставь...

— А кто ихъ разбрасываетъ... Англичанка?...

— Не англичанка. Вѣдь тогда офицеръ говорилъ кто: враги внутренніе...

— Враги? — а говорятъ, что землю нужно крестьянамъ отдать. Врагъ онъ и есть врагъ...

— Службы сказано не нужно... А вѣдь хорошо-бы было... поѣхалъ бы въ деревню...

Акимъ не отвѣчалъ и хотѣлъ уже ложиться, когда въ концѣ корридора вошедшій ефрейторъ выкрикнулъ его фамилію.

Въ это время приносили письма изъ канцеляріи, гдѣ полковой адъютантъ ихъ предварительно всѣ прочитывалъ самъ, тщательно замазывая все то, чего, по его разумѣнію солдатамъ знать не нужно, или опасно. Дѣйствительно ефрейторъ вручилъ Акиму распечатанное письмо и три рубля денегъ, которые сейчасъ же и записалъ Акиму въ записную книжку.

Акимъ, да и всѣ солдаты любили письма, такъ какъ они отчасти удовлетворяли тѣмъ, хотя небольшимъ умственнымъ запросамъ, которыхъ въ казармѣ удовлетворить было нечѣмъ: книгъ въ казармѣ достать было трудно, газетъ не полагалось, но солдатамъ хотѣлось знать, какъ тамъ, на волѣ, живутъ люди, отъ которыхъ такъ рѣзко оторвали ихъ, заперевъ въ этихъ мрачныхъ домахъ.

Письмо къ Акиму было отъ его брата Алексѣя. Онъ писалъ, что въ этомъ году у нихъ въ деревнѣ снова неурожай и ему, Алексѣю, всю зиму пришлось работать на заводахъ, чтобы не сидѣть безъ хлѣба. Онъ былъ слесарь. Затѣмъ шло описаніе жизни на заводѣ: работа была тяжелая, изнурительная, потому что народу было много и сбивали цѣну.—«Работали мы на одномъ заводѣ» — писалъ дальше Алексѣй — «да только ужъ совсѣмъ невтерпежъ стало: замучили насъ штрафами да разными вычетами и рѣшили мы бросить заводъ и перейти къ другому хозяину; а только хоть и перешли къ другому

хозяину толкъ-то выходитъ старый. Такая, братецъ мой, скотина этотъ хозяинъ, что не приведи Боже и во снѣ его видѣть: послѣднюю рубашку готовъ снять.

И жили мы тутъ совсѣмъ голову повѣсивши, — что дѣлать сами не знаемъ». — Дальше все было замазано адъютантомъ и только въ концѣ осталось нѣсколько словъ: — «Хорошо, а только, что мы не дѣлали, а пришлось намъ и съ этого завода уходить и ѣду я теперь искать себѣ мѣсто. Ну а все таки теперь я ужъ знаю, какъ ихнему брату перцу пустить...

А что прислалъ тебѣ мало за это извини и самъ заработалъ не много. Гдѣ устроюсь, тогда напишу.

— Письмо получилъ?... спросилъ рыжій.

— Да. отъ брата...

— Онъ гдѣ у тебя?

— На заводѣ.

— Давно видѣлъ?

— Чай ужъ третій годъ...

— Скверно тоже тамъ ихнему брату, — не лучше насъ...

— Да... маютъ...

Рыжій парень немного помолчалъ.

— Весна... теперь овесъ сѣютъ.

— Ужъ и гречиху кончили, паръ пашутъ. Хорошо теперь въ деревнѣ... трава, солнце, жаворонки...

— Кому хорошо, а кому и нѣтъ.

— Вотъ у меня отецъ-то хвораетъ и сѣять нанимали... А тутъ еще жена родила...

— Ну, какъ же это...

— Такъ—у барина въ кухаркахъ была... такой песъ...

— Что же ты?

— Чтожъ я—пріѣду побью. а теперь написалъ отцу —прими молъ...

— И у меня тоже жена осталась... — грустно замѣтилъ Акимъ.

— Эхъ ты долюшка наша солдатская — проговорилъ задумавшись рыжій парень.

Мало по малу казарма засыпала и шумъ замолкъ.

Но Акиму не спалось. Передъ нимъ вставали картины его прошлой жизни. Вотъ его родная деревня, въ глухомъ уголкѣ Воронежской губерніи, раскинулась на Косогорѣ. Отъ нея шелъ выгонъ, а потомъ лугъ. За рѣкой лѣсъ, потомъ широкое поле, уходящее въ туманную даль. Ихъ изба была съ краю, и какъ только бывало выйдешь на крыльцо, такъ точно руками охватитъ развернувшаяся передъ глазами даль и ширь—охватитъ и тянетъ на поля и луга на трудную, но хорошую работу, съ которой Акимъ сжился чуть-ли не съ колыбели. Какъ быстро пронеслось его дѣтство и юность, прожитыя въ этой деревнѣ—теперь это словно сонъ... Какъ быстро подошелъ и послѣдній годъ передъ призывомъ, и ему вспомнились послѣднія гулянки передъ отъѣздомъ, затѣмъ проводы на вокзалѣ. Истерическій плачъ женъ и матерей, грустныя лица братьевъ и отцовъ...

— Ты — жъ... таё... сынокъ, помни таё... что все-же дома-то отецъ, мать ждутъ... таё... не забудь... — тяжело.

Послѣдній свистокъ. Поѣздъ рванулся и отрѣзалъ ихъ отъ прошлаго... Громадная пропасть все росла и росла, а тамъ, сзади долго виднѣлась сѣрая кучка людей, провожавшая глазами улѣтавшій поѣздъ...

Два года службы совсѣмъ измѣнили Акима: изъ добраго и простодушнаго парня онъ сталъ угрюмымъ и не разговорчивымъ. Съ малолѣтства ему вложили въ голову представленія, что военная служба — царская. что служить нужно вѣрой и правдой. что нужно и животъ свой положить, если понадобится и Акимъ старался. Первый годъ особенно былъ труденъ: все нужно было выучить, ко всему привыкнуть, постоянно быть на-сторожѣ, чтобы не получить выговоръ, зуботычину или не отсидѣть на гауптвахтѣ, на хлѣбѣ и водѣ...

Особенно трудна была словесность. Дядька попался сердитый. Еще къ тому, кто угощалъ его, онъ относился снисходительно, а съ нимъ деревенщиной — онъ не стѣснялся.

Бывало самъ сядетъ и начнетъ школить, такъ что потъ градомъ катится съ краснаго лица солдатика.

— Что есть присяга?

Солдатикъ мнется.

— Дуракъ! Присяга есть клятва на вѣрность службы.

— Какъ она читается?

Солдатикъ не знаетъ. «Эхъ ты. мѣшокъ мякинный» говори за мной: я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ,—стой прямо!—передъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству своему истинному Государю Императору,—руки по швамъ!—вѣрно и не лицепріятно служить, не щадя живота своего до послѣдней капли крови и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности исполнять... — ты у меня не мурлычь. — Объ ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ свѣдаю, не только благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать... Черти!...

«Чтобъ къ завтрему же знать!...»

Боже упаси ошибиться на другой день при отвѣтѣ — два часа продержитъ подъ ранцемъ.

— Что есть солдатъ?

— Солдатъ есть слуга Государя и отечества и защитникъ ихъ отъ враговъ.

И такъ безъ конца. Нужно было вызубрить наизусть весь учебникъ, уставъ дисциплинарный, описаніе винтовки, нужно было знать и пѣсни...

Шеренга, Акимъ стоитъ въ строѣ, вдругъ подходитъ унтеръ и начинаетъ выправлять: «убери брюхо»—тычетъ онъ кулакомъ въ животъ — «Голову прямѣй!... Чего ты киселя-то хлебаешь.» Не съ бабой на печи!»... И крѣпкое словцо завершаетъ поученіе.

Акимъ «убиралъ брюхо» выпячивалъ грудь, такъ что дышать было трудно, тянулъ голову и пялилъ глаза...

Осень. Еще темно, холодно, сыро, какая-то мелкая

мгла, проникающая сквозь одежду, падаетъ съ сѣраго хмураго неба, ихъ ведутъ на стрѣльбу. Полковникъ ѣдетъ верхомъ въ плащѣ. Идутъ нѣсколько верстъ. Болото, трава хлещетъ выше сапогъ и платье становится мокрымъ, хоть выжми...

«Пальба съ колѣна!» раздается команда полковника, и всѣ становятся на колѣни, прямо въ воду. «Пальба лежа!»—и всѣ ложатся... И такъ цѣлый день не ѣвши, не пивши. Подъ вечеръ всѣ доходятъ до изнеможенія, домой еле плетутся. «Запѣвай пѣсни!»—кричитъ полковникъ.— Солдаты молчатъ. «Запѣвай, а то я васъ два часа на мѣстѣ проморю!» И подневольная пѣсня несется въ воздухѣ. Вечеръ. Солдаты отдыхаютъ. Унтеръ только что попилъ чайку и закусилъ отборнымъ солдатскимъ пайкомъ. Въ благодушномъ настроеніи отъ выходитъ изъ за перегородки, ложится на чью-либо койку и зоветъ новичка. Новичекъ трусливо приближается. «Смирно» грозно оретъ унтеръ. Солдатикъ тянется.

— Это что у тебя за сапоги... а?

Солдатикъ смотритъ на нихъ.

Вдругъ унтеръ даетъ ему щелчокъ въ носъ...

Солдатикъ тянется.

— Это что за мундиръ... а?

И снова щелчокъ.

А солдатикъ тянется, тянется, не въ силахъ отличить права отъ безправія, законнаго отъ насилія. Кругомъ видятъ, что унтеръ, очень любившій опрятность, рветъ пальцами изношенный и весь заштопанный мундиръ, указывая новобранцу, гдѣ перемѣнить заплаты; — втихомолку смѣются.

А то былъ офицеръ, вродѣ унтера, любившій чистоту. Бывало солдаты только что раздѣнутся послѣ ученія. — является онъ: «Къ уборкѣ»—снова приходится одѣваться. Выносятъ койки, столы, наносятъ воды, польютъ ею полъ; потомъ принесутъ опилокъ, посыпятъ ими, положатъ дерюгу поперекъ казармы; на нее становятся шеренгой и потомъ смурычатъ... «Лѣвой, правой, разъ, два!... разъ, два!»—кричитъ офицеръ, стоя гдѣ-нибудь въ углу и пома-

хивая рукой, какъ капельмейстеръ. Ужъ и воды нѣтъ, полъ чистый, опилки сухи, а они все смурыжутъ, пока самому офицеру не надоѣстъ махать ручкой.

Сначала Акиму все это было дико и странно, но потомъ онъ ко всему привыкъ. Онъ привыкъ быть вѣчно на сторожѣ, отвѣчать не моргнувъ глазомъ, вѣчно тянуться и дѣлать подъ козырекъ. Отдѣльные тексты словесности такъ и мелькали у него передъ глазами: — «Враги — это люди тѣхъ государствъ, съ которыми мы ведемъ войну, а также и свои, не исполняющіе законъ и не повинующіеся властямъ: напримѣръ, воры, убійцы, бунтовщики и т. п.»...

Не щади враговъ отечества своего, будь то враги внѣшніе или внутренніе».... «Внутренній врагъ опаснѣе внѣшняго»...

«Знамя есть священная хоругвь»... «ружье есть такое оружіе, которое на дальнее разстояніе бьетъ пулей, а на ближнее штыкомъ»... и пр. пр.

Внѣшній врагъ рисовался въ воображеніи Акима рослымъ туркомъ, въ синей курткѣ, съ злымъ и жестокимъ лицомъ и черными страшными глазами. За поясомъ у него былъ кривой ножъ, а въ рукахъ винтовка, изъ которой онъ непремѣнно убьетъ его, Акима, если Акимъ самъ его заблаговременно не укокошитъ.

Врагъ внутренній? Кто онъ? Что дѣлаетъ? отвѣта у Акима не было. Вначалѣ онъ считалъ такими врагами воровъ, конокрадовъ, поджигателей... Потомъ къ этому присоединился еще кто-то, кого Акимъ не зналъ — болѣе страшный и непонятный. Онъ стоялъ передъ Акимомъ неразрѣшимой загадкой, онъ давилъ его какъ кошмаръ и Акимъ его ненавидѣлъ. Акимъ зналъ, что этого врага боялись больше всего: какъ отбирали тогда листки, которые они нашли... но у нихъ все-же часть осталась и они ихъ читали...

Это чтеніе окончательно перевернуло все въ головѣ Акима: у него явилось сомнѣніе, безотчетное и неясное, оно уже точило его грудь. Акимъ гналъ его прочь, еще болѣе отдаваясь службѣ и рѣзко обрывая разговоръ на

эту тему, но это его не спасло: брошенное сѣмя начинало прорастать.

Ночь давно уже наступила, наконецъ и Акимъ уснулъ тревожнымъ сномъ, утомленный своими думами. Но ему не пришлось долго спать: мелкая дробь барабана, бившаго тревогу, разбудила его. Онъ вскочилъ. Всѣ были уже на ногахъ, и, торопливо одѣваясь, выбѣгали на дворъ. Акимъ послѣдовалъ вслѣдъ за другими. Уже свѣтло — тихая весенняя ночь уступила свое мѣсто наступающему дню. На крышѣ чирикали воробьи, по травѣ гуляли уже прилетѣвшіе грачи. И эта полутьма, этотъ свѣжій бодрящій воздухъ, эти воробьи и грачи полны были невозмутимаго покоя и мира. Солдаты стояли рядами и заспанныя лица ихъ выражали недоумѣніе. Вскорѣ пришелъ и офицеръ. Тревожной походкой подойдя къ солдатамъ, онъ обратился къ нимъ съ рѣчью: «Ребята! Васъ сейчасъ отправятъ на заводъ, гдѣ враги государства, отечества и царя, нашего отца, взбунтовали рабочихъ. Вы должны будете усмирить этихъ негодяевъ... Помните же вашу присягу, исполняйте приказанія, будьте молодцами. Враговъ щадить нечего. Знайте: царь видитъ ваши заслуги и оцѣнитъ ихъ... За неповиновеніе-же!»... Офицеръ немного остановился и поднялъ указательный палецъ — за неповиновеніе-же милости не будетъ... Помните! Ну а теперь съ Богомъ. Ряды вздвой, на лѣво кругомъ, маршъ! Курьерскій поѣздъ помчалъ ихъ къ мѣсту назначенія. Первое время солдаты молчали! Рѣчь офицера, скрытая угроза въ концѣ подавили ихъ. Потомъ послышались замѣчанія: —Выдумываютъ все дьяволы... Какой тамъ бунтъ? Кому бунтовать?—Можетъ скандалъ... драка... —Для драки полиція есть...

— Эхъ... житье!

— Ну и хлесну я кого-нибудь прикладомъ по башкѣ...

— Конечно, не безпокой...

— Кто безпокоитъ! сказалъ молчавшій до этого скептикъ солдатъ. Можетъ начальство и безпокоитъ... Да. Ему чиновъ да орденовъ, а мы хоть безъ штановъ...

— Ты думаешь фальшивая тревога?

— Говорю — чего на заводѣ бунтовать? Они безъ оружія... Развѣ безъ оружія бунтъ! Кабы солдаты бунтовали... Ну они съ ружьемъ...

На какой заводъ ихъ везутъ? Что они тамъ будутъ дѣлать? Какъ они будутъ усмирять «враговъ»? Возникали вопросы въ головѣ Акима и оставались безъ отвѣта.

Враги государства взбунтовали рабочихъ. Зачѣмъ? Чего они хотятъ? Рабочіе ихъ послушали, взбунтовались. Почему же они ихъ послушали? Да развѣ онъ, Акимъ Безродновъ, послушаетъ врага? Пойдетъ за нимъ? Нѣтъ, онъ проткнетъ его штыкомъ...

Къ вечеру они подъѣхали къ одной изъ станцій, гдѣ поѣздъ остановился и солдатамъ велѣно было выходить.

На платформѣ, къ удивленію Акима, ихъ встрѣтило цѣлое общество нарядныхъ мужчинъ и дамъ. Это было все начальство завода, выселившееся на станцію на время безпорядковъ. Здѣсь они собрались, смотря по обстоятельствамъ, или возвращаться на заводъ, или уѣзжать дальше, если дѣло повернетъ въ плохую сторону. Подъ навѣсомъ были навалены сундуки, саквояжи и даже мебель и цвѣты, охраняемые лакеями. Въ залѣ перваго класса былъ накрытъ столъ, установленный бутылками. «Сержъ! знаешь, я теперь нисколько не боюсь съ появленіемъ солдатиковъ»...

— Я и прежде не боялась—отвѣтилъ другой голосъ.

— Ха, ха, ха, а какъ докторъ Митрофановъ струсилъ, слышали?—нѣтъ?...

— Онъ шелъ изъ больницы, вдругъ ему навстрѣчу толпа рабочихъ, онъ такъ, бѣдный испугался, что бросился къ забору и началъ черезъ него перелѣзать... Это ему никакъ не удавалось... Рабочіе подошли, сами подсадили его на заборъ... «Вамъ» — говорятъ они — «на ту сторону нужно»... ха... ха...

— Ну ужъ и вы хороши, весь домъ сюда перевезли...

— Это совсѣмъ другое — это капиталъ. А за себя я нисколько не боюсь... А вотъ Марья Ивановна зачѣмъ горшокъ съ масломъ привезла... ха... ха...

— Я не предполагала—отвѣтила задѣтая Марія Ива-

новна—что вы Борисъ Борисовичъ, при вашей тучности можете бѣгать... Вы очень шибко бѣжали изъ завода мимо насъ... шибче моего Володи...

— А правда-ли, что контору разбили?

— Да, вѣрно. Но, что удивительно, денегъ не тронули, только бумаги порвали.

Офицеровъ пригласили въ первый классъ; солдатъ же провели въ третій. Для нихъ также была приготовлена закуска: мясо, водка, селедки.

— Ишь... водка братцы! оно хорошо на бунтъ ѣздить...

— Только-бы днемъ...

— Выпить и ночью не вредно...

— А и гдѣ же, братцы, бунтъ?

— Слыхалъ, чай на заводѣ... господа то отступленіе дѣлаютъ...

— Ишь, а все пьютъ...

— Они всегда такъ... они безъ этого не могутъ.

Когда солдаты закусывали, къ нимъ изъ перваго класса высыпало все общество. Они окружили солдатъ, съ любопытствомъ разсматривая, какъ они ѣдятъ.

— Чего они смотрятъ, чего не видали? спрашивалъ себя Акимъ.

Нарядная барыня, въ кисейномъ платьѣ, въ золотѣ и цвѣтахъ, принесла на подносѣ что-то трясущееся бѣлое.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, мы можемъ и безъ крема на этотъ разъ обойтись. — Это солдатикамъ.

Она поставила блюдо на столъ и стала класть каждому на тарелку по порціи сладкаго пирожнаго. На тарелкахъ была селедка. На минуту она остановилась въ нерѣшительности, потомъ даже нарочно стала класть кремъ на куски съ селедкой. Кругомъ смѣялись. Солдаты чувствовали себя неловко подъ этими перекрестными взглядами и остротами. Акимъ подумалъ, что это студень и началъ ѣсть кремъ съ хлѣбомъ...

— Батюшка, батюшка — закричалъ одинъ изъ господъ — а вы должны сказать солдатикамъ проповѣдь, воодушевить и наставить ихъ!»

Заводскій попъ, стоявшій опершись о скамейку, что-то мычалъ и трясъ своей рѣденькой бородкой. Онъ былъ тоже сильно выпивши. Господа и одинъ изъ офицеровъ съ бокаломъ въ рукѣ — уговаривали его сказать слово солдатамъ. Онъ улыбался, дергалъ себя за бороду и бормоталъ:

— Я могу... скажу... христолюбивое воинство... м-да... я скажу...

Когда солдаты кончили закусывать, ихъ собрали передъ иконой, стоявшей въ углу вокзала за оградой. «Батюшка» нетвердой походкой влѣзъ на приступки передъ иконой и, перекрестясь трясущейся рукой, обратился къ солдатамъ:

«Во имя отца и сына и святого духа, — прогнусилъ онъ: — дѣти мои, христолюбивое воинство... м-да... понѣ Богу угодно испытать васъ... призвавъ... м-да... предъ лице свое на защиту... на защиту... святыя церкви, епис... отечества и всего царствующаго дома... и всего царствующаго дома... отъ... врага его... м-да... дерзко поднявшаго свою руку... на сіи святыни въ самомъ сердцѣ нашего отечества... М-да... діаволъ смутилъ ихъ разумъ... и толкнулъ въ свои сѣти... м-да... святый, преподобный... нашъ... нашъ... Іоаннъ Кронштадскій... м... проповѣдывалъ... да... да... не пріидитъ антихристъ къ намъ, пока въ Россіи... въ Россіи м... есть самодержавный Государь... защитите же м-да его... Это ваша священная обязанность... м... и... п... да поможетъ вамъ Богъ... въ вашемъ святомъ дѣлѣ... м-да...

— Поцѣлуйте святой крестъ сей... и онъ вынулъ изъ епитрахили крестъ и далъ поцѣловать солдатамъ.

Отплевывались солдаты, идя къ заводу...—антихриста поминаетъ... больно ему дѣло есть до Царя... Крестъ поцѣлуй... самъ пьяный... А што крестъ... онъ у нихъ навродѣ плетки... Нужно подогнать, они крестъ... вотъ у насъ попъ въ деревнѣ былъ—разъ идетъ улицей—а пьяный здорово былъ, мальчишки въ ладыжки играютъ — онъ къ нимъ — «ей, говоритъ, прими и меня съ вами играть!» «Становись батюшка!» Дошла до него очередь.

— Ну, говоритъ, у меня ладыжекъ то нѣту — да какъ пуститъ крестомъ... такъ въ соломѣ и пропалъ... вотъ что крестъ-то для нихъ.

Заводскій поселокъ отъ станціи былъ верстахъ въ трехъ, а за нимъ виднѣлись и трубы самаго завода. Солдатъ повели не черезъ поселокъ, а кругомъ полемъ. Черезъ часъ они подошли къ растворенным воротамъ завода. Отъ воротъ шла прямая улица внутрь, вплоть до красиваго дома, занимаемаго директоромъ. По обѣимъ сторонамъ этой улицы высились громадныя, то каменныя, то желѣзныя зданія.

Черныя отъ копоти и дыма, они мрачно стояли въ ночной полутьмѣ, и солдаты шли между ними, какъ по ущелью между горъ. Все было тихо и безлюдно и въ заводѣ и въ этихъ большихъ мрачныхъ домахъ, и только черныя фигуры сторожей безмолвно ходили около стѣнъ. Отрядъ провели до дома директора и, раздѣливъ на двѣ части, помѣстили въ боковыхъ зданіяхъ; все это дѣлалось безъ шума, какъ въ походѣ. Акимъ чувствовалъ себя словно въ туманѣ.

Что-то тяжелое давило его сердце.

Внутренній врагъ, о которомъ ему твердили такъ много и долго, наконецъ, появился.... онъ, этотъ врагъ гдѣ то тутъ, во тьмѣ, въ этихъ черныхъ домахъ, полныхъ страшной притаившейся, какъ бы подстерегающей тишины...

Тревожное настроеніе сообщилось всѣмъ, и солдаты безпокойно ворочались на своимъ шинеляхъ; слышался шопотъ.

— Гдѣ онъ теперь...

Кто — этотъ?

— Бунтъ... Которые бунтятъ....

— Можетъ — идетъ.

— А страшно, братцы

— Н-да... Главное ничего нѣтъ... тишь...

— Я говорилъ зря... выдумано... Ежели-бы бунтъ люди.... драка... а безъ драки — какой бунтъ? тоже!

Ночь показалась томительно долгой. Утро было пасмурное, кругомъ было тихо, распорядились быть готовыми и всѣ сидѣли съ ружьями въ рукахъ.

Гдѣ то воркуютъ голубки.

Солдаты тихо говорятъ:

— Голубки... ишь ты!

Н-да. Христова птица.

— А знаешь, почему голубей нельзя ни убивать, ни ѣсть?

— Знаю...

— То-то.

Скептикъ: — Ѣдятъ и голубей... убиваютъ и ѣдятъ... я знаю! нынче все дѣлаютъ...

— Не законъ голубя убивать... онъ при крещеніи...

— Человѣка убивать — это законъ?

— За человѣкоубійство въ каторгу, братъ, пойдешь...

— Когда *хотятъ*, а когда и нѣтъ... вотъ какъ седни заставятъ — пали...

Н-да — «Господи Іисусе!» — со страхомъ прошепталъ кто-то и всѣ угрюмо замолчали. Рыжій скептикъ громко высморкался и обругался. Вдругъ тишину нарушили звуки отдаленной пѣсни. Они росли, ширились и наполняли собой пространство... — Солдаты встрепенулись.

— Братцы, а вѣдь это онъ поетъ...

— Должно онъ...

Въ это время растворились двери и въ нихъ показался офицеръ. Его лицо было блѣдно отъ безсонной ночи. Какая-то жестокая и непріятная черта лежала теперь на немъ.

«Смирно» крикнулъ онъ солдатамъ.

Голосъ его былъ рѣзкій, звенящій.

Твердой поступью, отбивая тактъ, ихъ вывели изъ сарая и они заняли двумя шеренгами всю улицу, около дома директора. Передъ глазами солдатъ открылась непривычная картина: туманъ разсѣялся, яркое весеннее солнце высоко сіяло на голубомъ небѣ, и вся улица отъ воротъ была покрыта сплошной толпой рабочихъ, медленно подвигавшейся къ дому директора. Легкій вѣтеръ ко-

лыхалъ синія блузы рабочихъ и развѣвалъ маленькія красныя знамена, которыя они несли.

Среди рабочихъ Акимъ увидѣлъ нѣсколько дѣвушекъ; однѣ изъ нихъ несли вѣнки изъ маленькихъ цвѣтовъ, другія листки бумаги, которые бросали по пути. Впереди всѣхъ шелъ человѣкъ высокаго роста въ красной рубашкѣ и несъ большое красное знамя. И вся эта толпа пѣла, пѣла какъ-то особенно, какъ еще никогда не слыхалъ Акимъ: призывъ и вѣра въ будущее могуче звучало въ ихъ мотивѣ.

Пѣсня неслась, проникала до самой души, хватала за сердце...

«Мы пойдемъ въ ряды страждущихъ братій,
«Мы къ голодному люду пойдемъ.
«Съ нимъ пошлемъ мы злодѣямъ проклятья,
«На борьбу мы его позовемъ».

А сотни голосовъ, сотни грудей страстно подхватывали припѣвъ и далеко разносили его потрясающей волной.

«Вставай, поднимайся, рабочій народъ!
«Иди на врага, людъ голодный!..»

Что-то подступило къ горлу Акима, нервная дрожь пробѣжала по его спинѣ и онъ судорожно стиснулъ ружье Вотъ онъ внутренній врагъ. Онъ похожъ на черную грозовую тучу, медленно ползущую по небу, а красное знамя какъ молнія сверкаетъ и вьется на его мрачной груди.

Могучей упорной волною течетъ тяжелая толпа людей. Акимъ смотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ и страхомъ и чувствовалъ, что онъ застываетъ отъ внутренняго холода и становится камнемъ на пути этихъ людей.

Онъ чувствовалъ, что и товарищи его точно окаменѣли въ неподвижномъ ожиданіи. А толпа все приближалась... Офицеръ вышелъ впередъ.

— «Стой!» крикнулъ онъ — «расходись по домамъ!..» толпа шла.

— «Расходись, сволочь, пока я васъ пулями не угостилъ!»

Пѣсня неслась, рабочіе шли не обращая вниманія на слова офицера... Офицеръ отдалъ приказъ, замки щелкнули и солдаты взяли на прикладъ. Когда въ толпѣ это увидали, пѣсня смолкла. Одна изъ дѣвицъ подняла свой вѣнокъ и пошла впередъ, это воодушевило всѣхъ— «Да здравствуетъ свобода!..» — вырвался общій крикъ — «долой произволъ, долой самодержавіе!..»

— «Пли!» крикнулъ офицеръ. — Раздался залпъ и свинцовые шмели зловѣще запѣли надъ головами рабочихъ. На минуту толпа остановилась, какъ бурливый потокъ, встрѣтившій преграду. Потомъ прерванная пѣсня, съ новой силой зазвучала въ воздухѣ и толпа медленно двинулась впередъ.

— А, негодяи, вамъ этого мало, — ревѣлъ офицеръ— такъ я васъ угощу иначе...

Изъ толпы попалъ въ него камень.

— Ты самъ негодяй!..

— Готовься — рявкнулъ солдатамъ офицеръ и отборная брань сорвалась у него съ языка...

А толпа шла и красное знамя съ бѣлыми буквами мѣрно и плавно колыхалось. Акимъ глядѣлъ и по мѣрѣ того, какъ эти люди приближались, что-то злобное поднималось у него въ груди: зачѣмъ они идутъ? чего имъ нужно? Его вниманіе остановилось на красномъ парнѣ со знаменемъ. Это главный. Онъ виновникъ всего, онъ всѣхъ ведетъ, это онъ-то и есть тотъ врагъ, котораго до сей поры Акимъ не могъ себѣ представить. Такъ вотъ онъ какой!.. Акимъ старательно прицѣлился въ него изъ своей винтовки.

«Пли!» вторично услышалъ онъ. Короткій хлопокъ ударилъ по воздуху и пѣсня сразу оборвалась. Толпа дрогнула и шарахнулась, какъ испуганное стадо, загнанное въ загородь. Рокочущій вздохъ, какъ дуновеніе вихря, пронесся надъ нею и замеръ; на мгновеніе водворилась тишина.

Толпа молчала въ ужасѣ передъ совершеннымъ злодѣйствомъ...

Впереди валялось нѣсколько труповъ...

Малый въ красной рубашкѣ съ искаженнымъ лицомъ упалъ на землю, пробитый пулей Акима. Нѣсколько разъ онъ пытался подняться и не могъ, онъ хотѣлъ что-то крикнуть, звуки замерли на губахъ и онъ остался лежать, опираясь на локоть руки, другую судорожно протянулъ впередъ. а кровавая пѣна, предвѣстница смерти. при каждомъ вздохѣ пузырилась у него на губахъ... Рядомъ лежала убитая на повалъ дѣвушка съ вѣнковъ изъ майскихъ цвѣтовъ. Сраженная на повалъ, она безъ звука упала на землю и точно спала... Волосы ея разметались по землѣ... выпавшій изъ рукъ вѣнокъ лежалъ рядомъ...

Слышались стоны...

Какой то молодой рабочій ползъ въ сторону, оставляя кровавый слѣдъ за собой...

Солдаты стояли блѣдные, растерянные.

— Господи! Что же дальше будетъ?.. шептали поспнѣвшія губы Акима... — Ударилъ барабанъ.

«Ура-а! глухо крикнули солдаты и наклонивъ ружья они побѣжали къ толпѣ. въ штыки... Что то зловѣщее слышалось и въ боѣ барабана, и въ сдавленномъ тяжкомъ «ура». Акимъ не хотѣлъ бѣжать, не хотѣлъ кричать ура, но какая-то внѣшняя сила толкнула, заставила его, и онъ, какъ автоматъ, кричалъ ура вслѣдъ за другими и побѣжалъ со штыкомъ..

Воспаленный взглядъ Акима, какъ прикованный остановился на маломъ съ судорожно поднятой рукой, котораго онъ свалилъ своей пулей. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ толпѣ, что-то знакомое читалъ Акимъ въ передернутомъ судорогой лицѣ парня, въ его полномъ отчаянія и удивленія взглядѣ... Безотчетный ужасъ наполнилъ его сердце и онъ почувствовалъ, какъ шевелятся волосы на головѣ...

«Братъ!!» — Вдругъ вырвался у Акима крикъ полный безпредѣльной грусти и отчаянія...

Этотъ не человѣческій вопль покрылъ всѣ голоса, пронесся надъ толпой... Бѣжавшіе солдаты остановились.

— Леша!.. братъ!.. говорилъ Акимъ, наклоняясь надъ парнемъ и рыданія слышались въ его голосѣ...

Сдѣлавъ усиліе Алексѣй приподнялся, взмахнулъ руками, хотѣлъ что-то крикнуть, сказать, но только глубоко вздохнулъ и, не успѣлъ Акимъ поддержать его, безжизненнымъ трупомъ упалъ на красное знамя, которое онъ съ такою гордостью несъ...

Жгучія слезы бѣжали по лицу Акима...

— Братъ, братъ — шептали его губы — я не хотѣлъ убивать тебя... братъ, прости меня...

Хмурыя лица смотрѣли кругомъ. Вдругъ изъ толпы отдѣлился рабочій и подойдя къ Акиму заговорилъ:

— Товарищи и вы солдаты! Сейчасъ произошло ужасное дѣло: убито нѣсколько человѣкъ за то только, что они хотѣли счастья, убитъ этотъ герой — ораторъ указалъ рукой на Алексѣя — за то, что онъ хотѣлъ справедливости, убита дѣвушка, несшая вѣнокъ мира... Зачѣмъ же это? Кому нужно это насиліе, это злодѣйство? Этихъ людей нѣтъ здѣсь... Они высоко... они не обагряютъ своихъ рукъ въ крови — нѣтъ, для этого они держатъ васъ, солдатъ, — несчастные, незнающіе братья!.. О! — и онъ потрясъ кулакомъ — будь же вы прокляты вдвойнѣ предатели и убійцы, обманомъ посылающіе убивать невинныхъ людей... А между тѣмъ, какъ просто вамъ не исполнить того, что отъ васъ требуютъ — въ васъ сила, васъ не могутъ принудить силой, потому что безъ васъ они ничто. Достаточно не исполнить того, что отъ васъ требуютъ, достаточно бросить ружье, когда васъ заставляютъ стрѣлять и мы достигнемъ всего...

— Нѣтъ, — крикнулъ Акимъ — не бросать ружья, а бить изъ нихъ этихъ обманщиковъ должны мы!.. обернувшись онъ почти въ упоръ выстрѣлилъ въ растерявшагося офицера, и бросивъ ружье, шатаясь, пошелъ прочь...

Его никто не задержалъ.

П. Свободинъ.

